

Деятельность Азиатского департамента МИД по координации балканской политики России (первая половина XIX в.)

Азиатский департамент российского МИД был создан в 1819 г. в связи с непреходящей важностью восточного направления для русской внешней политики и обострившегося к концу 1820-х годов Восточного вопроса. Это подразделение министерства, наряду с департаментом внешних сношений, ведало политической перепиской. Имея не столь обширные штаты в 96 человек, Азиатский департамент пользовался самым большим содержанием в 217 тыс. руб. ежегодно. Это объяснялось тем, что именно в этом подразделении служили многочисленные переводчики (драгомань), которые были необходимы для ведения дел на турецком, китайском и других редких языках. Департамент занимался политическими делами, связанными со странами Востока, и имел три отделения.

Продолжительное время Азиатский департамент возглавлял тайный (а с 1835 г. — действительный тайный) советник Константин Константинович Родофиникин (1760—1838). В Коллегию иностранных дел Родофиникин пришел в 1803 г. и пользовался расположением четырех министров — графа А.Р. Воронцова, барона А.Я. Будберга, графа Н.Н. Румянцева, а затем и К.В. Нессельроде. Он являлся бессменным директором департамента с 1819 по 1838 гг., иногда подолгу замещая Нессельроде на посту управляющего МИД, — такие периоды случались в 1832, 1833, 1835, 1837 и 1838 гг. После реорганизации МИД в 1832 г. Родофиникину было назначено жалование «по званию сенатора». К мнению Родофиникина, который в сущности исполнял обязанности товарища министра, не имея формально такого назначения, внимательно прислушивался Нессельроде; считалось, что

Родофиникин один из немногих имел влияние на вице-канцлера. При этом он отличался мягким характером и на одном своем юбилее получил от подчиненных в подарок вазу с надписью «Доброму начальнику»¹. Вице-директором Азиатского департамента был назначен К.Ф. Остен-Сакен, а два отделения возглавлялись А.К. Родофиникиным (сыном) и К.П. Безаком.

Отношениями с Турцией, Персией и горскими народами ведало первое отделение департамента. Оно подразделялось на два стола. Первый стол занимался торговыми делами с Турцией, приемом и увольнением чиновников Константинопольской миссии и переводом официальных бумаг на турецкий, греческий, молдавский и еврейский языки². Второй стол ведал вопросами торговли с Персией, приемом персидских посланников, связями с черкесами, отношениями с Грузией, а также переводами с персидского, грузинского и армянского языков. Сношениями с кочевыми народами, государствами Средней Азии и Китаем занималось второе отделение, также подразделявшееся на два стола. В ведении первого находились политические и торговые отношения с Китаем, дела киргиз-кайсацких орд, деятельность Пекинской духовной миссии, а также Коканд, Хива и Бухара. Здесь переводились документы с татарского, маньчжурского и китайского языков. Второй стол занимался административно-хозяйственными делами: приемом на службу и увольнением чиновников Азиатского департамента³. Руководство двумя этими отделениями было возложено на Е.Ф. Тимковского — опытного востоковеда, возглавившего в 1820 г. Духовную миссию в Пекин и издавшего в 1824 г. три тома своих заметок «Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг.». Всего в штатах Азиатского департамента состояли: директор К.К. Родофиникин, два начальника отделений — Е.Ф. Тимковский и Ф.П. Аделунг, 4 столоначальника, 4 помощника, 4 канцелярских чиновника, начальник Архива, журналист и 15 переводчиков с 11 языков. К третьему отделению принадлежало Учебное отделение восточных языков.

Набор чиновников для работы в Азиатском департаменте подразумевал сдачу экзаменов и владение несколькими иностранными языками, в том числе и восточными. Процедура была утверждена на основании приказа государственного канцлера.

Экзамен проходил в несколько этапов: по ознакомлению с документами следовало изложить суть «тяжебных дел» иностранных подданных — к российским, или российских купцов — к иностранным. Второй этап включал в себя изложение прочитанных дипломатических документов на французском языке по каким-либо спорным политическим вопросам. Комиссия давала заключение о качестве ответов испытуемых и возможности их «принятия на службу по ведомству МИД с причислением к Азиатскому департаменту»⁴.

С января 1825 г. при Азиатском департаменте выходила газета на французском языке — «Conservateur Impartial», позже преобразованная в «Journal de St.Petersbourg, politique et littéraire»⁵. Газета выходила три раза в неделю и содержала новости как зарубежные, так и отечественные. Более 30 лет редактором газеты являлся чиновник кабинета е.и.в. граф Э. Сансе⁶.

В 1822 г. Нессельроде поручил статскому советнику А.А. Фонтону — первому драгоману министерства, знатоку турецкого языка — разработать проект создания при Азиатском департаменте Учебного отделения, где можно было бы получить знания восточных языков⁷. В представленной Фонтоном записке говорилось: «В России более, чем где-либо, ощущается необходимость института для подготовки учеников для восточной дипломатии. МИД ощущает нехватку в служащих, способных занимать важные места в восточной дипломатии. У нас нет драгоманов в Леванте, в Молдавии и Валахии, в Персии». 29 мая 1823 г. специальный указ Коллегии иностранных дел учредил Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте. Все дальнейшие изменения и дополнения в штатах и расписании Учебного отделения вводились специальными распоряжениями директора Азиатского департамента.

С 1824 г. начальником Учебного отделения был назначен Ф.П. Аделунг. В 1825 г. он добился введения преподавания древней и новой истории, географии Азии, а также французского языка. Изучаемые предметы были ориентированы на знание Востока: с 1834 г. преподавались нумизматика и история Азии; в дальнейшем к ним прибавились новогреческий, татарский и английский языки, а также мусульманское и международное право.

Преподавание в Учебном отделении велось на самом высоком уровне, преподавателями были известные отечественные востоковеды, авторы научных исследований и собиратели восточных рукописей. В библиотеке существовала богатая коллекция редких книг на восточных языках и нумизматические редкости, которые хранились в музее отделения. Для более глубокого знакомства студентов с восточными окраинами Российской империи директор департамента Родофиникин использовал весьма необычные способы наглядного обучения своих воспитанников. Так, в 1829 г. он направил Иркутскому гражданскому губернатору И.Б. Цейтлеру просьбу прислать в Азиатский департамент две коллекции рыб, обитающих в озере Байкал и Охотском море, что и было исполнено в 1831 г.⁸.

20 ноября 1835 г. Учебное отделение восточных языков было причислено к высшим учебным заведениям Российской империи. Его выпускники направлялись в российские миссии и консульства на Ближнем Востоке, где служили драгоманами и секретарями. Многие из них связали свою судьбу с этими подразделениями заграничной службы МИД, в которых занимали видное положение консулов и генеральных консулов, а затем и сотрудников Азиатского департамента. Учебное отделение восточных языков просуществовало вплоть до 1917 г.

Одним из наиболее важных направлений деятельности Азиатского департамента в период правления Николая I были отношения России с Османской империей, включая ее балканские провинции и Средний Восток. На Балканах Россия с сочувствием относилась к освободительным движениям славянских и православных народов, населявших Сербию, Черногорию, Грецию, Боснию и Герцеговину, на Среднем Востоке поддерживала православные патриархаты в Сирии и Палестине. Кроме того, российское правительство и Святейший Синод регулярно оказывали материальную помощь православным храмам и монастырям на всей территории Османской империи, не только в ее европейских, но и североафриканских владениях, а также на островах Леванта и в Южном Причерноморье.

Азиатский департамент контролировал, прежде всего, дипломатическую деятельность российских миссий и консульств

на Балканах. А центром политического присутствия России на Ближнем Востоке и Балканах, куда стекались сведения политического и экономического характера со всей широко раскинутой по территории Османской империи российской консульской сети, было Константинопольское посольство. Константинопольский посланник входил в число наиболее значимых зарубежных представителей России, к нему поступала обширная информация о европейской международной политике, в зависимости от перипетий которой он должен был выстраивать взаимоотношения с Портой и своими европейскими коллегами, представителями великих держав на берегах Босфора. Именно в Константинополе зачастую принимались важнейшие внешнеполитические решения западной дипломатии; здесь же находился своеобразный международный политический центр, от которого концентрическими кругами расходились отклики на предпринятые шаги и международные соглашения, имевшие огромный резонанс для политической жизни всей Европы.

Миссию в Константинополе возглавляли дипломатические представители в ранге посланников. Во второй четверти XIX в. это были А.И. Рибопьер, А.П. Бутенев, В.П. Титов, а также А.Ф. Орлов, представлявший Россию на короткий период сразу по завершении русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Перед посланниками России в Османской империи стояли разные по степени сложности, но одинаково ответственные конкретно-исторические задачи по урегулированию политических и экономических отношений с правительством Турции. Всех их объединяло одно: от профессионализма российских дипломатов зависело не только решение узких, специальных вопросов двусторонних русско-турецких отношений, но и зачастую стабильность европейского мира. Эта стабильность базировалась на международных соглашениях, включавших статьи по режиму Черноморских проливов, статусу Балканского региона и Ближнего Востока, т.е. на приемлемом для всех заинтересованных участников международной жизни решении общих вопросов. Следование принципам «равновесия» и «баланса сил», провозглашенных основными постулатами международных отношений в Европе, в значительной степени зависело от позиции Порты по тем или иным вопросам. Османская

империя, таким образом, не только вошла в общеевропейские международные отношения, но играла в них одну из центральных ролей стабилизационного характера.

Внешнеполитическое ведомство России внимательнейшим образом следило за обстановкой на Балканах. Азиатский департамент, в ведении которого находился этот регион, получал подробные и регулярные отчеты обо всех важнейших событиях, происходивших в провинциях Турции, населенных православными южнославянскими народами, их настроениях и отношении к турецким властям. В каждом из регионов проживания православных подданных на территории Османской империи имелись свои особенности и отличительные черты социально-экономической жизни. Они проявлялись как в организации местной власти и ее взаимоотношений с Портой, так и в степени развития политических связей с Россией. В Балканском регионе наиболее самостоятельными игроками на поле европейской политики в этот период выступали Сербское княжество, получившее права автономии по условиям Адрианопольского мирного договора 1829 г., и Греция, ставшая независимой в 1830 г. В Сербии в 1838 г. было открыто первое российское консульство, а в Греции — миссия с российским посланником во главе.

Наибольшей устойчивостью и традиционностью отличались русско-сербские связи. Именно Сербия, обладая самым высоким среди балканских славян уровнем самостоятельности, привлекала внимание российского правительства. В Сербии шла интенсивная внутривластная жизнь, велась переписка сербских депутатов и сербского князя Милоша Обреновича с российскими посланниками, а позже составлялись планы по принятию Устава, своего рода сербской конституции. Вожди сербской оппозиции также имели налаженные связи с российским посольством. Всё это, безусловно, выводило сербскую тематику в первые строчки политических отчетов, ложившихся на стол российского императора. Именно Сербия стала на долгие годы «яблоком раздора» на Балканах, поскольку ведущие европейские державы стремились укрепиться в регионе и опасались, что активизация России в этом направлении составит реальную угрозу целостности Османской империи. Со своей стороны, Россия была крайне заинтересована

упрочить свое влияние в важнейшем для международной жизни регионе Черноморских проливов и не имела планов по разрушению Турции. На протяжении всего периода с начала XIX в. и до начала Крымской войны Сербия находилась в фокусе российских интересов.

Военное содружество в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., поддержка российскими властями сербских требований к Порте во время Первого (1804–1813 гг.) и Второго (1815 г.) сербских восстаний, включение в текст Бухарестского мирного договора условий о предоставлении Сербии прав автономного управления в 1812 г. и подтверждение их в Аккерманской конвенции 1826 г. привели к включению пункта о сербской автономии в Адрианопольский мирный договор по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Опираясь на его статьи, Порта была вынуждена издать хатт-и-шерифы 1830 и 1833 гг., признававшие автономию Сербии и ее князя Милоша Обреновича. Все этапы этого продолжительного и трудного пути — переписка российских посланников с сербскими депутатами и лидерами освободительного движения, выработка статей будущей сербской конституции, составление многочисленных нот турецкому правительству, в которых содержались требования безусловного и скорейшего исполнения достигнутых ранее договоренностей, — вся эта работа ложилась на российское представительство в турецкой столице и требовала постоянной координации планируемых выступлений с руководством Азиатского департамента⁹.

Именно Азиатский департамент выступал инициатором всех специальных миссий политического характера, предпринятых от российского МИД на Балканы. В Сербии их было несколько — миссии В.К. Ливена, В.А. Долгорукого и П.И. Рикмана. Все прибывающие в Белград представители России имели свои конкретные задачи, которые сводились к одному — внушить сербскому руководству мысль о том, что только следуя в русле русской политики, Сербское княжество может достичь благополучия и процветания. В Черногорию также посылались представители Азиатского департамента со специальными миссиями — в 1830-е годы это были миссии Я.Н. Озерецковского и Е.П. Ковалевского. Они имели задание поближе познакомиться с экономическим

и политическим положением края, проведением реформ и распределением денежных сумм, присылаемых из России. В 1841 г. Азиатский департамент направил своего представителя в болгарские земли — это была миссия Д.Ф. Кодинца, которому «поручено было собрать сколь можно точнейшие сведения о положении христиан, разведать, до какой степени справедливы их жалобы на притеснения и насилия... и сообразить, какими именно мерами следовало бы Порте оградить на будущее время личную безопасность и права собственности подданных ее»¹⁰. Эта миссия была вызвана огромным числом жалоб болгарских общин на произвол турецких властей и прошений на имя российского императора распространить свое покровительство и на болгарские земли.

Одной из функций Азиатского департамента был прием делегаций и отдельных представителей балканских провинций. Важнейшим из них был прием черногорского правителя Петра II Петровиича Негоша. Впервые он посетил Петербург в 1833 г., где был посвящен в сан епископа. Второй визит Негоша был осложнен политическими обстоятельствами, поскольку российские власти заподозрили черногорского владыку в желании обратиться за помощью к Франции. Уделялось внимание и визитам сербских делегаций, которые были приняты не только правительством, но и радушно встречены в высшем обществе Петербурга, где обсуждалась возможность принятия в Сербии конституции. Через Азиатский департамент выплачивалась многолетняя стипендия выдающемуся сербскому лингвисту и литератору Вуку Караджичу. Следует отметить, что несколько прошений от имени сербского князя Милоша Обреновича посетить Петербург не были поддержаны российским правительством и всякий раз в мягкой форме отвергались. В 1847 г. состоялся визит в Петербург болгарина Александра Экзарха (Стойловича), его проект преобразований был представлен Николаю I. В 1849 г. в Петербург прибыл архимандрит монастыря Св. Иоанна Рыльского Стефан Ковачевич — «для сбора подаяний в пользу сей общины». Он привез с собой целую программу преобразований не только своего монастыря, но всей церковной системы в Болгарии — это была программа учреждения независимой болгарской церкви по примеру сербской митрополии¹¹. Все эти делегации требова-

ли определенных средств для достойного приема и выделения дополнительной денежной помощи в ответ на принесенные на высочайшее имя прошения, что также исполнялось штатом департамента.

Константинопольской миссии России были подотчетны многочисленные консульские агентства на Балканах, в Малой Азии и Средиземноморье; важнейшим из них стало консульство в Белграде. Следует подчеркнуть, что через него осуществлялись связи российского правительства с другими православными народами Балкан, не имевшими в это время представительств России на своей территории. Болгары часто обращались к российскому консулу в Белграде, а позже в консульства в Адрианополе, Варне и Сливене, куда был переведен из Сербии Г.В. Ващенко. В белградское консульство поступали многочисленные обращения от болгарского населения, подвергавшегося насилию после ряда вспыхнувших восстаний начала 1840-х годов. Российский консул в Сербии сообщал в Петербург, что сербский князь Михаил приказал принимать беженцев из Болгарии в то время, как Россия не осмеливалась выступить перед Портой в защиту болгар¹². В Белград приходили посланцы из Боснии с жалобами на произвол мусульман и просьбами распространить свое покровительствующее влияние на боснийских христиан. А обязанности российских консулов в Османской империи существенно отличались от обязанностей их коллег в европейских державах и не ограничивались надзором торгово-экономической сферы. Официальные документы МИД, каковым, например, являлся консульский устав 1820 г., признавали за своими консулами в Балканском регионе преимущественно политическое значение их миссии в качестве полноценных дипломатических представителей России. Не подлежит сомнению и тот факт, что консульские работники, кроме исполнения своих прямых обязанностей по способствованию развитию экономических связей подведомственного им региона с Россией, имели и другие функции, а именно: наблюдение за внутренней ситуацией, настроениями и политическими симпатиями местного населения.

Согласно расписанию штатов российской миссии в Константинополе, принятому в 1818 г., Россия имела на тот момент на

территории Османской империи пять генеральных консульств: в Дунайских княжествах (генеральный консул Пини), Трабзоне (Рубо де Понтеве), Смирне (Дестуни), Египте (Чивини), Морее (Власопуло); консульства в Молдавии (Пизани) и Салониках (Рубо де Понтеве); вице-консульства в Синопе (П. Джани), на о. Хио (Милонас), в Дарданеллах (Мустоксиди); агентов на Эносе (Кессен) и в Адрианополе (И. Фонтон), а также двух вице-консулов без жалования — в Алеппо (Пиччиотто) и Сен Жан Дакре (Катафачо). Со временем количество консульств изменялось — открывались новые представительства, ликвидировались старые. В частности, большие перемены произошли после того, как Греция получила независимость в 1830 г. и Россия учредила здесь свою миссию. Одновременно исчезали некоторые представительства, выполнявшие в Леванте чисто торговые функции и признанные неэффективными¹³. Так, с 1 апреля 1830 г. было ликвидировано вице-консульство в Хио, а 11 февраля того же года открыто консульство в Сливно. Его появление было признано необходимым для защиты от турецких репрессий болгарских жителей, бежавших после русско-турецкой войны в Россию и теперь возвращавшихся домой. По словам российского посланника А.П. Бутенева, оно стало необходимым «для защиты христиан и упрочения спокойствия»¹⁴. Учреждение новых дипломатических представительств России в европейской части Османской империи было связано с потребностями расширения разнообразных связей с балканским населением Турции, развитием торговли, как сухопутной, так и через Дунайские порты.

К началу 40-х годов XIX в. произошли некоторые изменения в структуре консульской сети, подведомственной Константинопольскому посольству. По-прежнему существовали пять генеральных консульств: в Сербии, Бухаресте, Смирне, Египте и Трабзоне; пять консульств: в Яссах, Эрзуруме, Салониках, Бейруте и Кандии (на Крите). В Дарданеллах и Яффе функционировали вице-консульства, а в Галаце и Адрианополе — торговые агентства¹⁵. Консулы обязаны были сообщать посланнику о важнейших событиях на местах, торговле своего края, настроениях местного населения и их взаимоотношениях с турецкими властями. Все консульские донесения шли в Константинополь «под открытой

печатью, дабы министр его императорского величества мог иметь полное сведение и наблюдение за течением и производством дел, вверенных подчиненным ему консулам»¹⁶.

Вступление в консульскую должность предполагало соблюдение определенных формальностей. Будущий генеральный консул, консул, вице-консул или торговый агент получали патент на исполнение своих обязанностей, снабженный высочайшей подписью. Кроме того, предполагалось, что некоторых вице-консулов и агентов может назначать сам константинопольский посланник, однако в этом случае им не полагалось жалования от МИД. Консулы не могли состоять на службе других держав (в отличие от нештатных консулов) и даже вступать в брак «без позволения министерства».

Генеральные консулы и консулы были уполномочены «производить в подведомом им округе суд по трактатам и существующим обычаям». Для этого «при каждом консульстве должно быть по одному экземпляру всех трактатов, существующих с тою державою, где оное находится, а также и тарифа таможенных пошлин»¹⁷. О том, что это правило выполнялось далеко не всегда, говорят многочисленные просьбы консулов о присылке им копий трактатов и договоров, без которых они не могли должным образом исполнять свои обязанности. Ф.Ф. Маргенс в своем труде «О консульской юрисдикции на Востоке» обращал внимание на то, что полномочия российских консулов в странах Востока были существенно расширены по сравнению с полномочиями их коллег в Европе и Америке. Исполнение судебных функций было одной из важнейших обязанностей консулов именно в этом регионе, поскольку «ни законодательства восточных стран, ни их судебные и исполнительные власти не предоставляли достаточных гарантий для обеспечения безопасности личности и собственности русских подданных»¹⁸.

Ежегодно консулы представляли в министерство отчеты «о мореходстве и торговле российских подданных в округе их», в которых не только свидетельствовали о состоянии торговых дел, но и высказывали свои предложения «для достижения российской торговле и мореплаванию всяких выгод и распространения». Сведения об экономическом развитии Средиземно-

морских регионов и состоянии торговли в них являлись важной информацией для российского купечества, осуществлявшего черноморскую торговлю. В 1819 г. херсонский военный губернатор А. Ланжерон обращался к статс-секретарю по иностранным делам с просьбой о том, чтобы «консула наши и агенты, в иностранных портах находящиеся, постановлены были в обязанность извещать купечество здешнее о делах торговли в тех местах»¹⁹. Самим консулам запрещалось заниматься торговлей и «принимать от иных держав какие-либо консульские звания». Этот запрет распространялся и на драгоманов, которые к тому же не должны были исполнять поручения частных лиц. Как правило, второй драгоман консульской миссии исполнял обязанности письмоводителя. Все внутренние протоколы консульства составлялись на русском языке, особенно строго это предписание исполнялось в отношении «тяжебных», т.е. судебных, дел во избежание путаницы. Консульские донесения в посольство могли быть как на русском, так и на французском языках, тогда как все официальные бумаги Константинопольской миссии, направляемые в Петербург, были составлены по-французски и переписаны каллиграфическим почерком секретарей или письмоводителей.

Следует подчеркнуть роль Азиатского департамента в установлении и осуществлении непосредственных связей русской церкви с балканскими православными учреждениями, проходивших посредством Константинопольской миссии. Через российских посланников в турецкой столице пересылались денежные средства, направлявшиеся Святейшим Синодом православным обителям почти на всей территории Балкан (кроме Цетинской митрополии). Именно через посольство осуществлялись контакты как отдельных церквей, так и руководства Константинопольской патриархии с духовными учреждениями в Российской империи. В посольство присылались церковные книги, сюда же прибывали специалисты для налаживания преподавания русского языка и священной истории в отдельных частях Османской империи. Наконец, российское посольство имело свои средства, которыми оно распоряжалось по своему усмотрению и которые часто направлялись на оказание помощи православным учреждениям и отдельным священнослужителям без надлежащей на

то санкции властей из Петербурга. Всё это делало российское представительство в Константинополе важным центром влияния на православные общины и духовные центры на Балканах.

В 1735 г. в России был утвержден список, получивший название Палестинского штата, по которому целому ряду православных обителей на территории Османской империи назначались строго определенные ежегодные «милостинные дачи» для поддержания православия среди мусульманской культуры Турции. В этот список вошли 53 зарубежных православных монастыря, на финансирование которых ежегодно из Государственного казначейства выделялась сумма в 4031 руб. 66 ½ коп. серебром²⁰. Эти деньги распределялись среди «заграничных единоверных духовных особ и монастырей», из которых первой строкой упоминались четырехпрестольные патриархи: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Затем шли митрополиты: Черногорский, Халкидонский и Белградский; архиепископы: Архидонский, Македонский и Синайский, а также три епископа. Монастыри, включенные в Палестинский штат, находились на Балканах, в Малой Азии, на Афоне, в Трапезунде, на о. Корфу и Крите, в Далмации, в Валахии и Молдавии, на Синае и на Принцевых островах.

Суммы выплат не изменялись с 1735 г.: монастыри получали по 35 руб. серебром ежегодно, Константинопольскому патриарху полагалось 1 тыс. руб., а трем остальным лишь по 100 руб.; всем митрополитам и епископам 560 руб. за три года вместе, или по 166 руб. 66 ½ коп. ежегодно²¹. Среди монастырей были исключения: особые суммы получали Солунский (50 руб.), Ватопедский Афонский (100 руб.), Троицкий (Есоптр) на о. Халки (50 руб.) и Цетинский черногорский (166 руб. 66 ½ коп.) монастыри, а также церковь Св. Спиридона на о. Корфу (125 руб.)²². Это было связано с тем, что некоторые монастыри особо почитались русской церковью за их заслуги, в основном за преподнесенные в дар русской церкви Святые мощи, ранее хранившиеся в этих обителях с византийских времен.

Во внушительном списке православных монастырей на Балканах, пользовавшихся «милостинными дачами» по Палестинскому штату, особое место отводилось обителям Афонской

горы, традиционно почитаемым русской церковью. 12 афонских монастырей получали ежегодное пособие по списку. Это были монастыри: Введенский Хилендарский, Георгиевский Зографский, Благовещенский Филофеев, русский Пантелеймоновский, Благовещенский Ватопедский, Предтеченский Дионисиев, Георгиевский Павловский, Иверский, Вознесенский Евсигманский, Троицкий Алембасов и Большой Лавры. Из них Благовещенский Ватопедский получал по 100 руб. за присланные святыни — Животворящий крест Господень, сооруженный Константином, и главу Иоанна Златоуста²³.

Российские посланники в Константинополе были обязаны посылать руководству Азиатского департамента свои донесения, докладные записки, а также извещать начальство обо всех заслуживающих внимания событиях, происходивших в Османской империи. Ежегодно миссия отправляла в Петербург большой отчет о проделанной работе, политической обстановке в балканских провинциях Османской империи, о расходах миссии, в том числе и «чрезвычайных», которые могли включать в себя помощь российским морякам, потерпевшим бедствие, деньги на починку судов, материальную поддержку бедствующим православным священникам и храмам. На основании всех поступающих из российских миссий на Востоке данных составлялся общий отчет по Азиатскому департаменту, который предоставлялся управляющему МИД к 20 января ежегодно. Начиная с 1826 г., министерство иностранных дел должно было предоставлять годовой отчет о деятельности ведомства императору. Указ об этом последовал 30 сентября 1826 г.²⁴. На заседании Комитета министров 5 октября того же года было принято решение о том, чтобы главы всех ведомств «представили Его Императорскому Величеству ... к 1-му января 1827 г. годичный за 1826 год отчет каждый по своей части с приложением счетов денежных сумм, распоряжению их вверенных»²⁵. С тех пор вплоть до 1916 г. министерство ежегодно готовило подробный отчет о политических отношениях России с иностранными государствами. Постепенно сложилась структура отчета. В первую очередь разбору подлежали главные политические события под грифами «Дела Востока» и «Дела Запада». Затем шел раздел о взаимоотношениях России

с отдельными государствами «1-го и 2-го разряда». К первым принадлежали Австрия, Англия и Франция, ко вторым — все остальные; замыкали список Соединенные Штаты Америки. Отчет составлялся на французском языке и имел подпись вице-канцлера. В отличие от основного текста раздел «О занятиях по Азиатскому департаменту» готовился на русском языке и был посвящен отношениям России с Турцией и Персией, а также торговым делам с государствами Средней Азии, Китаем и кочевыми народами. В отчете по Азиатскому департаменту подробно освещались отношения России с Османской империей, а также имелись специальные разделы, посвященные Сербии, Дунайским княжествам, Черногории, Греции. Здесь же сообщалось об открытии новых консульских постов России на территории Турции и преобразовании уже существовавших. Все данные отчета являлись производными от докладов и аналитических записок, которые составлялись российскими посланниками в турецкой столице и регулярно присылались в Петербург.

Азиатский департамент МИД, наряду с существовавшим до 1838 г. департаментом внешних сношений, был одним из важнейших подразделений российского министерства иностранных дел. В его ведении находились все внешнеполитические связи России с Турцией, Персией и степными окраинами Империи. Во взаимоотношениях с Османской империей Азиатский департамент выступал куратором не только российской политики, но и морской торговли через Черноморские проливы, а также связей Святейшего Синода с православными обителями Балкан, Афона и Иерусалима. Все эти контакты осуществлялись через российскую миссию в Константинополе, которая в своей ежедневной работе выполняла обширную программу по поддержанию русско-турецких отношений, включавших многочисленные аспекты политической, экономической и конфессиональной жизни двух причерноморских Империй.

Примечания

¹ Русский биографический словарь. Обезьянинов-Овечкин. СПб., 1913. С. 318.

² Лобынцева М.А. К вопросу о создании Азиатского департамента Министерства иностранных дел России // Иран. М., 1971. С. 86.

- 3 Там же. С. 87.
- 4 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. СПб ГА IV—1. Оп. 118. Д. 1 (1875). Л. 1.
- 5 Газеты на иностранных европейских языках в фондах Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Алфавитный каталог. М., 1985. Ч. I. С. 183.
- 6 *Голиков А.Г.* «Journal de St.-Pétersbourg» — газета российского МИД // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 2003. № 2. С. 5.
- 7 Подробнее о Фонтонах см.: *Кудрявцева Е.П.* От Коллегии к Министерству: реформирование российского МИД в 30-е годы XIX века // Европейский альманах. М., 2002. С. 138–139.
- 8 АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 479/4. Д. 462. Л. 1 об. К.К. Родофиникин иркутскому гражданскому губернатору И.Б. Цейтлеру. Б/д.
- 9 См. подробнее: *Кудрявцева Е.П.* Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., 2009.
- 10 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1841. Л. 282 об.
- 11 АВПРИ. Ф. ГА 1—1. Д. 25. Л. 60–61.
- 12 АВПРИ. Ф.ГА1—9. Оп. 8. Д. 7 (1). 1839–1860. Л. 483. Донесение Г.В. Ващенко в Азиатский департамент. 14 апреля 1841 г.
- 13 АВПРИ. Ф. СПб ГА IV—7. Оп. 126. Д. 3 (1818–32). Л. 9–10.
- 14 Там же. Ф. ГА IV—2. Д. 5 (1832). Л. 2 об. А.П. Бутенев — К.В. Нессельроде. 6 августа 1832 г.
- 15 Там же. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1. Д. 852. Л. 12; Там же. Ф. СПб ГА V—2. Оп. 119. 1833–56. Д. 10. Л. 1,7 об., 13 об., 14–15.
- 15 Там же.
- 16 Там же. Ф. СПб ГА IV—2. Оп. 119. 1828–30. Д. 10. Л. 23. Выписка из «Правил, служащих в руководство российским консулам при исполнении должности их».
- 17 Там же. Л. 22.
- 18 *Мартенс Ф.Ф.* О консульской юрисдикции на Востоке. СПб., 1873. С. 189.
- 19 АВПРИ. Ф. СПб ГА II—3. Оп. 34. Д. 2 (1819). Л. 1. А. Ланжерон — К.В. Нессельроде. 3 декабря 1819 г.
- 20 АВПРИ. Ф. СПб ГА II—9. Оп. 46. Д. 2. Ч. 1. Л. 17–21. Указ Николая I от 27 января 1826 г.; Там же. Д. 2. Ч. 7. Л. 1–8. П. Мещерский — К. В. Нессельроде. 18 ноября 1826 г.
- 21 Там же. Д. 2. Ч. 1. Л. 17. Указ Николая I.
- 22 Там же. Л. 18 об.
- 23 *Каптерев Н.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 65.
- 24 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 2999. Л. 46.
- 25 Там же. Л. 45. Ф. Гежелинский — К.В. Нессельроде. 5 октября 1826 г.